

Отзыв

официального оппонента
о диссертации Голубевой Екатерины Ивановны
«Библейский текст в творчестве Н. В. Гоголя»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата филологических наук
по специальности: 10.01.01 — русская литература

Представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук диссертация Екатерины Ивановны Голубевой «Библейский текст в творчестве Н. В. Гоголя» представляет собой серьезное и обстоятельное исследование. Диссертацию отличает композиционная стройность, строгая логическая последовательность в изложении материала. Убедительно написан раздел «Священное Писание в жизни Н. В. Гоголя». Новые фактическим материалом насыщена глава «Карандашные пометы Н. В. Гоголя на Библии 1820 года издания». Соискателем востребованы рукописные фонды Пушкинского Дома.

Предложен анализ ветхозаветных и новозаветных параллелей в повестях Гоголя «Страшная месть», «Нос», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Вий», «Шинель», в поэме «Мертвые души» (прежде всего во втором томе), а также в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Эти наблюдения позволили диссертанту сделать важный вывод о том, что «последняя книга Гоголя отличается предельной концентрацией скрытого и прямого цитирования Священного Писания и является своего рода обобщением многих библейских мотивов, которые характерны для его ранних произведений» (с. 79). Немаловажны наблюдения Е. И. Голубевой о значительном влиянии языка Библии на поэтику «Выбранных мест из пере-

писки с друзьями», в связи с чем соискатель указывает на возникновение в произведении Гоголя качественно нового стиля русского литературного языка. В работе представлен обширный свод прямых и косвенных библейских цитат и реминисценций в сочинениях Гоголя, начиная с его ранних повестей, кончая последней книгой.

В заключительной главе диссертации рассматривается проблема эволюции, или количественного и качественного нарастания библейских реминисценций в гоголевском творчестве. Исследователь выделяет здесь четыре этапа этой эволюции — но, на наш взгляд, вступает в некоторое противоречие с своим прежним наблюдением о том, что «Выбранные места из переписки с друзьями» являются обобщением «многих библейских мотивов, которые характерны для его ранних произведений». Е. И. Голубева полагает, что в повестях «Вечеров на хуторе близ Диканьки», за исключением «Страшной мести», встречаются только «единичные обращения к Библии» (с. 86). Думаю, что последующий внимательный анализ гоголевских ранних произведений позволит существенно скорректировать мнение соискателя о том, что будто бы в начальный период библейские реминисценции не несли в творчестве Гоголя «какой-то особо весомой роли» (с. 87). Другое дело, что в «Переписке с друзьями» библейские смысловые параллели, а тем более цитаты, более очевидны — а потому обнаруживать и анализировать их гораздо легче, чем скрытые реминисценции и параллели в ранних художественных произведениях писателя.

Закономерным стал заключительный раздел диссертации, озаглавленный «"Сквозные" библейские мотивы в творчестве Н. В. Гоголя». Этот раздел представляется мне наиболее перспективным и значимым. Наконец-то в науке о Гоголе появляются достаточно внятные и определенные указания на целый ряд узловых и ключевых тем его

творчества: предощущение Страшного Суда, противопоставление земных и небесных стяжаний, прощения и примирения, поста, лестницы и целого ряда других основополагающих аспектов христианского отношения к жизни.

В целом диссертация является новаторским исследованием, позволяющим на новом уровне понять своеобразие творческого метода писателя, а также принципиальную для русской словесности в целом традицию обращения к Библии как книге, лежащей в основе отечественной культуры. В работе широко привлекаются архивные материалы, свидетельства современников, многочисленные работы предшествующих ученых. (Список литературы насчитывает более двухсот единиц.)

К сожалению, в диссертации в стороне от анализа оказались «Тарас Бульба» и «Размышления о Божественной Литургии», духовно-нравственные трактаты Гоголя. Эти произведения в работе только упомянуты. Почти не затронуто эпистолярное наследие писателя, вершиной которого стала книга «Выбранные места из переписки с друзьями». Впрочем, указываем на это лишь в качестве перспективы исследования. Доказательная база диссертации в настоящем ее виде достаточно обширна и вполне основательна.

Незначительные недочеты, встречающиеся в работе, также не касаются существа исследования и принадлежат к числу тех, что легко устранимы при обыкновенной редакции. Таким недостатком является, на наш взгляд, то, что диссертант порой считает излишним доказывать свою точку зрения, предлагая верить ему на слово. Так, к примеру, усадьба Тентетникова почему-то соотносится в диссертации с притчей Спасителя о сеятеле. По мнению соискателя, «эту ассоциацию усиливает упоминание о посевных работах, на которые ходил смотреть Чичи-

ков: "Ходил <он> наблюдать первые весенние работы, глядеть, как <...> засеиватель <...> горстью разбрасывал семена ровно, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону" (V, 266). Этот отрывок <исследователь> Н.М. Сквиря сравнивает с новозаветной притчей о сеятеле (Мф. 13: 1–23), которую Гоголь отметил на полях своей Библии пометой "О Царствии Небесном" [РО ИРЛИ]» (конец цитаты) (с. 72). Спрашивается, какое отношение имеют посевные работы, которые наблюдает Чичиков, к евангельской притче о сеятеле? В диссертации на этот счет никаких доказательств не приводится.

Можно поспорить и с другим толкованием соискателя. Е. И. Голубева полагает, что сравнительно с дорогой вниз, по которой движется в поэме Чичиков, «другую дорогу видит Тентетников, возвращающийся домой из столицы — ровную, красивую, стремящуюся вверх, которая показывает ему иную жизнь, и герой восклицает: "Ну, не дурак ли я был доселе? Судьба назначила мне быть обладателем земного рая, принцем, а я закабалил себя в канцелярию писцом!" (V, 254). Вектор направленности дороги вверх словно отсылает к словам Ветхого Завета: "Путь жизни мудрого вверх" (Притч. 15: 24)» (конец цитаты) (с. 75–76).

Если обратиться к гоголевскому тексту, то, увы, никакой «стремящейся вверх дороги» мы там не найдем. Дорога, по которой едет Тентетников, сначала идет узким оврагом, потом заглухнувшим лесом, затем лугами, далее поднимается на гору и идет по ровной возвышенности, мимо хлебных полей (откуда открывается далекий вид на окрестности), а в итоге, перед въездом в имение Тентетникова, дорога, «постепенно темнея», входит «под тень» широких деревьев.

Конечно, проезд Тентетникова из Петербурга в свое имение (или, к примеру, возвращение школьного приятеля Гоголя А. С. Данилевского в родные края) писатель оценивает позитивно. Но если в самом деле

придавать гоголевскому описанию символический смысл (что вполне допустимо), то дорога Тентетникова домой — это, очевидно, лишь первая ступенька вверх, которая в итоге может кончиться ничем (дорога, повторяюсь, поднимается в гору, далее следует по равнине, постепенно темнея). Гоголь как бы подсказывает, что эта ступенька на пути Тентетникова может превратиться в обыкновенное деревенское прозябание — что и происходит в поэме на самом деле. (Это же, кстати, и произошло с школьным другом Гоголя Данилевским, так что в итоге Гоголь советовал приятелю покинуть деревню и ехать в Москву (письмо от 26 февраля (н. ст.) 1843 г.). Связь между Данилевским и образом Тентетникова здесь очевидна; она подтверждается содержанием письма Гоголя к Данилевскому от 7 августа (н. ст.) 1841 г.) Участь Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича вполне реально грозит провинциальному обывателю Тентетникову, а потому утверждать, что перед Тентетниковым, едущим домой, открывается «ровная, красивая, стремящаяся вверх» дорога, вряд ли корректно. (Помимо прочего, из содержания самой поэмы и из воспоминаний современников, слышавших недошедшие до нас главы второго тома, — Г. П. Данилевского и князя Д. А. Оболенского, мы знаем, что Тентетникова ждала ссылка в Сибирь.) Не стоит спрямлять, в угоду концепции, гоголевские образы. Сам Гоголь всю жизнь шел вверх, к будущему Воскресению, но утверждал, что «пути и дороги к этому светлomu будущему сокрыты <...> в <...> темном и запутанном настоящем, которого никто не хочет узнавать: всяк считает его низким и недостойным своего внимания». Недооценка сложности гоголевского образа может скомпрометировать не только конкретную научную работу, но, что более важно, подорвать доверие к чрезвычайно ответственной и насущной теме — постижению христианской сущности нашей культуры. Чем истины выше, тем нужно быть

осторожнее с ними. Не столько зла произвели безбожники, сколько неприготовленные проповедники («О том, что такое слово»). «Чувствуете ли вы страшную истину сих слов: Не приемли имени Господа Бога твоего всеу?» — писал Гоголь Константину Аксакову.

Несколько мелких замечаний собственно текстологического характера. Обращу внимание на ошибочную форму склонения диссертантом слова Вий. Трижды в работе Е. И. Голубева пишет: в «Ви*e*» (с. 12, 58, 107), — что, на мой взгляд, неправильно. Достаточно обратиться к «Грамматическому словарю русского языка» А. А. Зализняка. Так же, как слово «змий» (или слова «муфтий», «викарий», «патриций», «аграрий», «виночерпий» и др.), слово «Вий» должно склоняться следующим образом: о «Ви*и*», о змии (о викарии, о сценарии, об аграрии, о виночерпии, о пролетарии и т. д.). (Склонение неодушевленного существительного «кий» — единственного в своем роде, — кроме формы «о кии», предполагает вариативную форму предложного падежа «о кие» — но с ударением на последнем слоге. Такое же место ударения, по-видимому, следует предполагать и при склонении имен трех островов Кий на Баренцевом и Белом морях, а также имени основателя Киева князя Кия, но поставить ударение на последний слог в «Ви*и*» — в «Ви*e*» — невозможно.)

В описании новонайденных автографов Гоголя на Библии нарушена последовательность в перечислении библейских книг. Псалтирь упоминается здесь вслед за Книгой Премудрости Иисуса, сына Сирахова, и Книгой пророка Иеремии, тогда как должна им предшествовать (с. 36).

Почему-то все цитаты из гоголевской славянской Библии приводятся в диссертации не в оригинале, а в переводе на русский язык. Такое решение следовало бы, по крайней мере, оговорить.

Досадная невнимательность. Первый директор Нежинской гимназии Василий Григорьевич Кукольник (происходил из австрийского селения Кокольники на рубеже Червонной Руси и Венгрии), а также его сын Нестор Кукольник называются в диссертации *Кукольниковыми* (с. 16, 17).

Еще ряд уточнений. Цитируя слова Гоголя: «Один только исход общества из нынешнего положения — Евангелие», — соискательница делает ошибочную ссылку на мемуары Е. А. Хитрово (с. 17). На самом деле эти слова сохранились в переписке Гоголя с Н. Н. Шереметевой.

Почему-то говорится, что на памятнике Гоголя были «начертаны две библейские цитаты» (с. 23), тогда как таких цитат на гоголевском памятнике было сделано пять.

В заключение хочу искренне поблагодарить соискательницу за существенные уточнения и дополнения, которые она внесла, вслед за Ю. В. Балакшиной, к публикации 1998 г. помет Гоголя на Библии. Сделанные мною замечания отнюдь не умаляют значение представленного диссертационного исследования. Оно выполнено на высоком профессиональном уровне и носит методологический характер. Представленный соискателем труд и публикации в научных изданиях обнаруживают глубокого, вдумчивого исследователя. Защита настоящего труда, несомненно, будет способствовать дальнейшему становлению молодого талантливому ученого.

Автореферат соответствует тексту диссертации.

Представленная к защите работа Е. И. Голубевой соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям в соответствии с пунктом 7 положения ВАК Министерства науки и образования РФ «О порядке присуждения учёных степеней», её автор заслужи-

